

КСЕНИЯ
БАХАДУЕВА

КООП

СТОЛ

Ксения Бахарева

Кооп-стоп

«Четыре четверти»

2017

Бахарева К.

Кооп-стоп / К. Бахарева — «Четыре четверти», 2017

ISBN 978-985-581-341-6

В начале 1970-х в белорусском городке Марк Бородин создает лучшую в СССР потребительскую кооперацию, нащупывая золотую жилу, что позволяет сотрудникам на руководящих постах зарабатывать до десяти тысяч рублей в месяц. Однако потратить во времена дефицита такие деньги нет возможности, поэтому предприимчивые граждане хранят их в стеклянных банках в тайниках. Следствие ведет Комитет государственной безопасности БССР, дело находится на личном контроле у Петра Машерова. Многие высокопоставленные чиновники связаны с группой мошенников, а за хищение в особо крупных размерах предусматривается наказание вплоть до смертной казни...

ISBN 978-985-581-341-6

© Бахарева К., 2017
© Четыре четверти, 2017

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	13
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	27
11	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ксения Бахарева
Кооп стоп
Криминальная драма

© Бахарева К., 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

*Все имена и события, описанные в книге, являются исключительно
плодом фантазии автора, все совпадения случайны.*

1

Утро в середине лета 1971 года Анне Ивановне далось мучительно. Еще с вечера она погладила Фиме постиранную накрахмаленную белоснежную рубашку, старательно проутюжила стрелки на выходных брюках, но встать и приготовить мужу завтрак, когда невыносимо болит зуб, было невероятно тяжело. Всю ночь напролет эта боль не давала уснуть, как ни пыталась отвлечься она, считая до полчетвертого. И потом что только ни делала – полоскала больной зуб настоем ромашки, прополисом, спиртом, как когда-то учила любимая тетя Клава, однако острая пронизывающая боль не унималась. С раскалывающейся головой Анна Ивановна усилием воли влезла в халат и, шаркая тапочками, двинулась на кухню ставить чайник.

– Фима, мне нужно к доктору!

В ответ из ванной комнаты только гремел брызгами душ.

– Ты слышишь, Фима, мне нужно к доктору! Ты будешь яичницу?

– Буду, Аннушка, мне глазунью!

– Ну конечно, про завтрак он сразу слышит, – пробормотала женщина, доставая чугунную сковороду из духовки.

И колбасная нарезка из ароматных деликатесов на столе, и скворчащая глазунья, что глядела на Анну Ивановну во все три глаза, никак не могли унять зубную боль.

– Фима, мне нужно к доктору! – повторила, распаясь, Анна Ивановна, глядя, как муж расправляется с завтраком. На округлившийся животик мужа упала капля растекшегося желтка, едва не задев сияющую белизной майку, названную в народе майкой-алкоголичкой.

– Аннушка, ты опять беременна?

– Очень смешно. Прошу тебя, позвони стоматологу!

– Анюта, ты же знаешь, какой сегодня день, у меня ревизоры! Машины не будет!

– Разве нельзя взять другую?

– А может, ты вызовешь скорую? Или поедешь на троллейбусе?

– Ну как ты можешь, Фима! У твоей жены болит зуб, а тебе хоть бы что! Правильно говорила твоя мать, царствие ей небесное, на тебе где сядешь, там и слезешь! У меня мысли путаются – да, я тебе не нужна, когда у меня возникают какие-то проблемы! Чтоб ты хоть на минуточку понял, я не спала всю ночь, а все-таки встала и приготовила тебе завтрак! Господи, ну за что мне все это!

– Аннушка, не надо так волноваться! Я, конечно же, позвоню и пришлю за тобой машину!

Пока просьба жены, за несколько минут превратившаяся в истерику, окончательно не испортила настроение, расправившись с утренней трапезой, Фима нервно набрал номер телефона.

– Барышня, соедините меня с Рудольфом... Да, спасибо, жду.

Ожидая ответа, Фима надел наглаженную рубашку, галстук, застегнул запонки. Наконец на другом конце провода ответили:

– Алло, Рудольф у телефона!

– Рудик, это Фима Рыжиков, назначь время для моей жены! Сегодня! У нее острая боль!

– Фима, только завтра! Я не в городе!

– Значит, потерпит до завтра!

2

Выскочив из подъезда, Фима Рыжиков, едва успев намочить ноги от проливного утреннего дождя, юркнул в служебный автомобиль. «Несмотря ни на что, в эту весеннюю пору дождь не сможет омрачить мне обедню», – буркнул про себя Фима и приказал водителю побыстрее рулить к заготовительной конторе. Фима спешил подготовиться к важной встрече с представителями партийной верхушки и будущими ревизорами. За окнами автомобиля мелькала молодая листва густо посаженных деревьев. Горожане, снующие туда-сюда по делам, мало привлекали внимание Фимы, как и дежурные фразы водителя. Фима расчетливо прикидывал в уме, чего, кому и сколько нужно успеть передать, чтобы погасить внезапно назревшую бурю. Он проделывал это сотни раз, раздавая подарки номенклатурным работникам разных мастей и ревизорам, готовым за продуктовый или коньячный паек поставить нужную подпись там, где требуется, не замечая ничего лишнего. Но сегодня Фиму почему-то не покидало необъяснимое чувство тревоги. И дело было вовсе не в том, что с самого утра его любимая Аннушка скатилась до истерики, что на природе, где предстоит встречать важных людей, скамейки будут мокрыми от дождя... Он давно уже ничего не боялся и спал крепко и спокойно, так почему же сегодня так муторно на душе? Неужто от того, что в прошлый раз на него положила глаз одна почтенная дама и он позволил себе лишнего? Можно было бы списать неуклюжую и гадкую связь на алкоголь, но после дурацкого флирта дама несколько раз звонила в контору, явно добиваясь продолжения... Примерный доселе семьянин от подобной навязчивости старался убежать, но как бы не навредить делу грубым отказом партийному лидеру в юбке?

Все мужчины в семье Рыжиковых становились бухгалтерами, эта участь постигла и отца Фимы. Стоит ли удивляться, что мальчик с юного возраста научился не просто считать костяшки на семейной реликвии, искусно вырезанных прадедом деревянных счетах, – выполнял все базовые арифметические операции: сложение, вычитание и даже умножение с делением, а бумажные купюры и вовсе считал с такой непостижимой скоростью, что эдакому мастерству могли позавидовать как работники сберегательных касс, так и авторитетные шулеры. Впрочем, по стопам своих предков Фима не пошел, смущала мизерная заработная плата, разумеется, если служить честно. А поскольку Ефим Ильич в силу своего характера слыл человеком чрезвычайно мягким, услужливым, но трусливым, нарушать закон в начале карьеры, да еще в одиночку, воровством, приписками или каким-то иным способом было не для него. Как это часто бывает, помогла случайная встреча, определившая дальнейшую судьбу Фимы Рыжикова. Однажды в магазине юноша стал свидетелем скандала с продавщицей, которая, ничтоже сумняшеся, обсчитала пожилую покупательницу, и поскольку обе дамы были так взволнованы, что позабыли арифметику, Фима с присущим ему изяществом подсчитал все верно и разрулил конфуз до прихода начальства. За филигранным движением пальцев при подсчете доверенных Фиме купюр, как и за всем происходящим, наблюдал руководитель местной кооперативной торговли, так что очень скоро Рыжиков был принят на работу на склад заготовителей Оршицкой районной потребительской кооперации, в которой через несколько лет дослужился до заведующего складом.

Машина остановилась во дворе заготовительной конторы Оршицкого райпотребсоюза, Фима выскочил, забыв про свой затертый кожаный портфель:

– Толян, жди, скоро поедem!

– Ефим Ильич, портфель!

– Ах да, спасибо, – Фима вернулся за портфелем, мельком бросая взгляд на уже припаркованную «Волгу» начальства.

К этому времени секретарша уже успела разложить у входа в кабинет начальника заготовительной конторы пухлые свертки с провизией. Фиме оставалось дать команду рабочим на

загрузку со склада ящиков с французским элитным коньяком и приготовленной снедью для банкета на природе.

– Люсенька, сообразите что-нибудь этакое, чтобы постелить на скамейки, – все мокрое от дождя!

– Ефим Ильич, а может, ресторан заказать, он совсем рядом от вашего излюбленного места?

– Поздно, Люся, не успеем, – Фима на ходу прикинул, всего ли хватит для банкета, и приказал грузить продукты по машинам.

Майский дождь закончился весьма кстати, и весеннее солнце почти успело высушить молодую листву. Уже через полчаса слегка влажные скамейки лишь напоминали об утреннем ливне.

– Видать, и накрывать не придется лавки клеенками, скоро все высохнет... А вдруг опять закапает? – прикидывал Фима, одновременно командуя грузчиками и официантами, нанятыми на обслуживание вечера на природе.

– Так, девчата, вот еще что: нарежьте мясных деликатесов, да не скупитесь! За хорошую работу и вам достанется! Не понимаю: стелить клеенку или не стелить...

Девушки в колпаках и передниках тут же засуетились, тонко нарезаая фирменные колбасы с деликатесными рулетами, украшая тарелки розочками из вареной морковки и ароматной ветчины. Поодаль раздался торжественный звон бутылок, вероятно, редкого французского коньяка. Как бы опомнившись, Фима откупорил одну из них, наполнил карманную походную рюмку, выпил залпом и, морщась, занюхал лимоном:

– Французский, армянский – все из одной бочки!

Из-за поворота показалась сверкающая на ярком солнце бежевая 21-я «Волга».

– Ребятки, мигом заканчиваем, шеф едет!

Шедевр отечественного автопрома въехал на пяточок меж двух березок рядом с импровизированной банкетной поляной. Стремительность в линии кузова, декоративный контур заднего крыла, ниспадающий багажник, антенна по центру крыши и сверкающая на солнце порывистая фигурка оленя на капоте излучали почти буржуазную роскошь. Не менее роскошно выглядел и владелец автомобиля в длинном светлом плаще и неотъемлемой части модного гардероба тонком свитере с воротником-стойкой.

Как только в пышущей глянецом щеголеватой легковушке заглох мотор, Фима по-лакейски отворил дверцу:

– Марк Наумыч! Как я рад вас видеть! К приему высоких гостей все готово!

– Да ты, Ефим Ильич, я гляжу, тоже уже готов!

– Ну что вы, Наумыч, как можно, я, так сказать, только пробу снял. И что я вам скажу – армянский от французского, да еще отборного, можно отличить только по внушительной цене!

За шефской «Волгой» прибыли несколько «Москвичей», и на открытую поляну гурьбой высыпали коллеги из Оршицкой районной потребкооперации.

– Фима, видать, сегодня не простые ревизоры пожалуют, раз ты тут так расстарался, – подал руку еще один Фима, он же директор районной заготовительной конторы Ефим Шлессинберг.

– Да уж, наш Наумыч толковый, хитрый и умелый, знает, с кем устанавливать связи, на кого опереться и кого подкормить в нужный момент для всеобщего блага.

Через полчаса накрытые столы на вытопанной поляне ломились от изысканных блюд, а собравшаяся вокруг партийная элита из области громко чокалась с устроителями импровизированного банкета на природе. Чуть поодаль томились ревизоры – после роскошной вече-

ринки за городом им предстоит проверить Оршицкую районную потребительскую кооперацию на предмет всяческих торговых нарушений. На правах хозяина первым слово взял Марк Наумович.

– Дорогие друзья! Система потребкооперации в СССР создавалась для того, чтобы в сельской местности организовать настоящую торговлю, без дефицита, так сказать. Но наша работа – это не только склады, где хранятся закупленные у населения продукты, не только перерабатывающие цеха, скотобойни, колбасные цеха и магазины. Наша цель – создание огромной хозяйственной системы, в которой руководящая и направляющая роль принадлежит вам, мои дорогие гости! За вас!

Трудно сказать, кто больше верил в слова тостующего: сам ли, излучая дикую усталость, верноподданные его или все-таки многочисленные властные любители халявы.

После третьей рюмки первый секретарь Витебского обкома партии звякнул рюмкой коньяка, зацепил вилкой сочную буженину и, не сильно прожевывая, молвил:

– Я слышал, что твой райпотребсоюз признан лучшим в Союзе. Мне даже по секрету сообщили: скоро в гости к тебе сам Косыгин пожалует!

Марк Наумович от неожиданной новости поперхнулся.

– Готов встретить высокое начальство на высшем уровне?

– Ну что вы, Владимир Николаевич, мы никогда не подводили, – затянулся сигареткой Наумыч.

– Только не вздумай курить при нем.

– Не выносит дыма?

– Легенды рассказывают про министра. Будто бы он бросил курить сразу после войны. И как-то, принимая построенную табачную фабрику где-то в Грузии, попросил у директора сигарету. Тот почтительно протянул высокому гостю пачку американских, которые курил сам. Косыгин внимательно посмотрел на директора, развернулся и уехал. Ему стало ясно, что фабрика высоким требованиям не соответствует, а ее директор явно на посту оказался по ошибке.

– Ну, мы точно на своем месте, и у нас американских колбас Косыгину никто не предложит! – парировал Марк Наумович под общий хохот коллег.

Тем временем Фима искал повод укрыться от глаз уже известной ему грузной дамы, сопровождавшей партийного руководителя области, однако чем больше он старался исчезнуть из ее поля зрения, тем настойчивее не ведающая отказов женщина к нему приближалась:

– Ефим Ильич, ваше здоровье! – еще немного, и подвыпившая дама может просто повиснуть на Фимином плече.

– Минуточку, извиняюсь, я сейчас...

Фима ускользнул, дабы вновь не перебрать лишку и, пока при памяти, раздать драгоценные продуктовые наборы не менее драгоценным гостям. По давней кооператорской традиции – чтобы и дальше работа спорилась, полагалось нагрузить высоких покровителей не только французским коньяком, но и отменной колбаской. И завтра, когда для реагирования на очередную анонимку придут ревизоры в потребительскую кооперацию и составят акты о мелких недостатках, они с легким сердцем и сытым желудком подпишут необходимые бумаги, а в огромной системе по перемещению благ туда, где их нет, но есть деньги, все начнется сначала.

– Ну что ж ты весь вечер от меня уворачиваешься? – не успел Фима рассовать подарки, как перед ним нарисовалась все та же партийная грузная дама.

– Нет, ну что вы... просто занят немножко... Простите... прости, голубушка! – бормотал Фима, пытаясь вспомнить, как зовут навязчивую знакомую, с которой давеча на пьяную голову позволил себе лишнего.

– Как стемнеет, освободишься? – напирала партократка с пышной грудью и высокой куксой. Обливаясь потом, столбенея, Фима изо всех сил старался придумать хоть какую-нибудь отмазку, но, так ничего и не придумав, безнадежно выдохнул:

– Да, дорогуша, как стемнеет, непременно... освобожусь.

Ловко затесавшись между многочисленной жующей публики, Фима устремился искать водителя, ибо отлично понимал: он не настолько пьян, чтобы и дальше совершать глупейшие поступки. И потом, Рыжиков всегда был примерным семьянином, прекрасно обеспечивающим семью. «Боже мой, ну как можно? Променять красавицу Аннушку на эту огромную бабу-цербера, да еще с такими связями! Скандала не оберешься!»

Неожиданно быстро уносившему ноги бедняге на глаза попался Ефим Шлесинберг, и это могло стать спасением. В свои 38 лет тезка так до сих пор не женился, поскольку все детство, отрочество и юность был маменькиным сынком, а когда внезапно родительницы не стало, самостоятельно найти спутницу жизни оказалось выше его сил. Нравились ему в основном женщины властные и рослые, слегка напоминающие маменьку, но подойти к ним не хватало духу.

– Тезка, я могу помочь тебе со свиданием с одной напористой партийной дамой средних лет, при хорошей должности и связях!

– Хорошенькая?

– Ну разве это главное? Вспомни, когда в последний раз ты притрагивался к женской груди? Пять или десять лет тому назад? – Фима старался бить по самому больному. – Прямо сегодня, как стемнеет, у того дуба тебя будет ждать ОНА! – в этот момент Фима заметил своего водителя и, не дожидаясь ответа, ринулся в его сторону.

– А как ее зовут? – успел вдогонку прокричать Шлесинберг.

– Вот и познакомишься, – садясь в автомобиль, вымолвил Фима, но маменькиному сынку уже не суждено было это услышать. – Домой, Толян, живо! Устал что-то я сегодня.

3

Сутки напролет промучившись от зубной боли, Анна Ивановна, вынужденная ожидать визита к врачу еще столько же, нашла в закромах мужа дорогой коньяк и, осушив половину бутылки, уснула на диване.

К тридцати годам ухоженная женщина в самом расцвете сил добилась всего, чего хотела, – тихого и обеспеченного замужества, которое позволяло не работать и наслаждаться жизнью.

Ее отец, талантливый и остроумный театральный режиссер, умер, когда девочке едва исполнилось десять. Оставшись с двумя детьми на руках, мать Аннушки, недолго думая, чтобы как-то свести концы с концами, одну комнату в столичной трехкомнатной квартире сдала квартирантке, студентке института иностранных языков. Жилища была невероятно стройна, красива и ухожена, но главное – одевалась в модные импортные вещи, чем вызвала в маленькой Аннушке не только восхищение, но и простую зависть. Девочка ненароком наблюдала за студенткой и училась тонкому искусству ухаживать за волосами и кожей. Райское время начиналось, когда квартирантка отправлялась в институт, – тогда Аннушка проникала в ее обитель, брала косметику, духи и устраивала примерку всего того, что висело в шкафу. Когда девочке исполнилось тринадцать, и она стала похожа на девушку, чопорное материнское воспитание не смогло сломить вырывающийся наружу дух экстравагантного авантюризма, который, по всей вероятности, она унаследовала от отца.

Аннушка забралась в чужую обитель тот час же, как только квартирантка уехала на каникулы в Сочи. Черное шикарное платье с четко очерченной талией и летящий роскошный подол, напоминающий раскрывающийся бутон цветка, высокий каблук, изысканный желтый плащ и писк сезона – миниатюрная шляпка – добавили шарма к умело накрученным локонам, искусно нанесенной декоративной косметике, превратив неуклюжего тринадцатилетнего подростка в обворожительную даму лет двадцати пяти.

В свой первый выход в свет, отправившись в центр Минска к институту иностранных языков, ибо в ее понимании только там можно было встретить настоящего английского денди, Аннушка тут же познакомилась с усатым студентом четвертого курса в однобортном пальто с бархатным воротником. Будущий переводчик Валерий недавно вернулся из Лондона, где на протяжении двух месяцев не без протекции отца-дипломата проходил практику. Денди отметил Аннушкину экстравагантную внешность и тут же пригласил на свидание. Целую неделю тринадцатилетняя школьница пудрила мозги студенту четвертого курса, бегая на свидание в обновках «французенки» из местного иныза, пока на пути не повстречалась соседка Алла из десятого класса, по уши влюбленная в Валерия с прошлого лета, в бытность пребывания в пионерском лагере, где «лондонский денди» подрабатывал в качестве водителя. Усатый рослый парень в модном слегка расклешенном пиджаке из темного сукна и белоснежной рубашке симпатизировал Алле, но встречаться с десятиклассницей наотрез отказался по причине ее несовершеннолетия.

Когда страшная тайна актерского мастерства Аннушки раскрылась, обманутого Валерия и след простыл. А вскоре вернулась из Сочи квартирантка и обнаружила на своих одеждах признаки чужой носки. Ларчик закрылся просто, потому что студентка съехала на другую квартиру.

Однако Аннушка тосковала недолго. Окончив восемь классов минской средней школы, она окончательно вышла из-под маминого контроля, сбежав в Москву. Три месяца гастролировала девчонка, покупая и продавая с наваром заморские шмотки, пока, наконец, за фарцовку не угодила за решетку. Из колонии для несовершеннолетних была выслана в районный городок под названием Оршица, где вскоре познакомилась с Фимой, очаровала его и вышла замуж,

родив двух прелестных детишек. Через несколько лет Фима стал заведующим овощным складом Оршицкой районной заготовительной конторы, и теперь у Аннушки появилось все, о чем можно было только мечтать: парижские журналы мод и великолепная модистка в ателье, шубы, кольца, чешский сервиз и мебельный гарнитур. К тому же няня, присматривающая за детьми на даче в Молдавии, освободила ее на полгода и от воспитания отпрысков. Единственное, что удручало в эти дни, – зубная боль.

Фима, обнаружив спящую жену на диване рядом с полупустой бутылкой коньяка, заботливо перенес ее в спальню и укрыл одеялом. Завтра водитель отвезет Аннушку к Рудикю, который все сделает хорошо, потому что Фима ему весьма полезен.

– Принес, что я просил? – с порога вместо привычного приветствия спросил у Фимы Рудик, одновременно указывая Аннушке на кресло стоматолога. – Я договорился, ваш доктор придет через минуту!

– Обижаешь, как можно забыть, держи! – протянул Фима небольшой сверток из грубой льняной ткани. Рудик развернул его, утвердительно кивнул. В этот момент зашел стоматолог и занялся больным зубом Аннушки.

– Иди работай, через час водителя пришлешь за женой!

Когда-то Рудольф Раскин служил чиновником райисполкома небольшого сибирского городка, что позволило ему через несколько лет по благу устроиться на более прибыльную должность заведующего продуктовой базы. Но навыков в торговом деле не хватило, и за растрату он получил 10 лет колонии. От звонка до звонка отсидев в местах не столь отдаленных, на свободе сделал себе новый паспорт, чтобы переехать в другой город и с легким сердцем заняться новой деятельностью. Специальность зубного техника от нечего делать приобрел на зоне. И теперь Раскин промышлял тихой нелегальной практикой в Оршице, покупая золото для коронок у частных лиц, потому что хорошо знал, что золотые червонцы царской чеканки, которые принес Рудикю Фима, был, есть и будет лучшим материалом для зубных коронок.

4

Марк Наумович Бородин, несмотря на вчерашнее застолье на природе, в конторе Оршицкой райпотребкооперации был к семи утра. В конце месяца спущенный с верху план горел, и, как всегда, хозяин спасал положение – надо было срочно ехать в столицу в головное предприятие выбивать дефицит. Личный водитель уже подготовил служебную «Волгу» к далекому маршруту, заботливо помыв и заправив, потому что твердо знал: к девяти часам они непременно должны прибыть в столичный Коопсоюз.

Скромный детдомовец Саша пришел в потребкооперацию в 20 лет, первые два года поработал за баранкой грузовика, но потом был замечен и переведен на «Волгу» в качестве личного водителя шефа.

Надо сказать, что Наумыч давно относился к своему водителю по-отечески. И не только потому, что тот был круглым сиротой, этот факт, конечно же, накладывал отпечаток, но главным было то, что Бородин всегда мечтал о сыне, которому можно было бы передать по наследству дело всей жизни. Но не случилось – любящая жена Соня подарила ему трех очаровательных дочерей. Трудно представить, что когда-нибудь прелестные изящные барышни смогут подхватить весьма тяжелую торговую ношу. С первых дней появления Саши в конторе Марк узнавал в нем себя молодого, без чьей-либо поддержки, голодного до любой работы. Вот и сейчас, сев в машину, тут же заботливо спросил:

– Успел поесть?

– Не волнуйтесь, Марк Наумович.

– Знаю, что голоден, вот, возьми, жена докторской колбаски положила. Нам с тобой на дорожку.

– Спасибо, Марк Наумович!

Саша начальника уважал безмерно, потому как, несмотря на высокий пост, был он настоящим трудягой и простым мужиком, хоть выглядел элегантно и порой общался с разными уважаемыми людьми, надутыми от собственной значимости.

По пути они на ходу перекусили, запили питьевой водой и аккуратно к началу рабочего дня оказались в столице.

– Ну не знаю, как тебе план спасти, Наумыч, не знаю! – бушевал председатель Коопсоюза в ответ на настойчивые предложения Бородина.

– Посмотри бумаги, Николаич, мне позарез надо, может, где-то что-то и отыщется!

– Ну нету! – продолжал орать Николаич, когда зазвонил громадный черный телефон.

– Соколов слушает. Где? Почему не отправили? Для кого оставляли? А что мне теперь с этим делать? Вы за это ответите!

Председатель положил трубку, несколько секунд размышлял молча, глядя в грустные глаза Бородину.

– Что случилось?

– Два вагона водки застряли! Постой... Ты в рубашке, что ли, родился? Договоришься с Климовичами? К утру справишься?

– Николаич, какой вопрос, выписывай!

С выписанными накладными Марк Наумович с Сашей пулей полетели в Климовичи, там договорились об экстренном переводе застрявших по неизвестной причине двух вагонов с водкой, и к следующему утру груз был в Оршицком райпотребсоюзе. Оставалось лишь развезти ящики с сорокаградусной по магазинам города. Так что и в этот раз, впрочем, как и всегда, нарисованный в высших утопических социалистических мечтах и спущенный до низу план был выполнен.

Следующим утром работавшие на предприятии ревизоры выявили в кассе райпотребсоюза большую недостачу. Стало понятно, что простым подписанием акта не отделаешься. Фима топал по коридору, чтобы сообщить Бородину это неприятное известие, но неожиданно столкнулся с Ефимом Шлесинбергом.

– Как свидание, тезка?

– Даже разговаривать не хочу с тобой!

– А что случилось? Тебе не удалось познакомиться поближе?

– Вера Андреевна передавала горячий привет с обещаниями, что тебе не поздоровится.

Она не привыкла, что мужики ей отказывают!

– Вспомнил! Вера Андреевна, как я мог забыть! Я-то думал, ты меня заменишь!

– Слушай, мы же тезки, а не молочные братья! Как видишь, незаменимые есть, так что неприятности тебе обеспечены...

– Да ладно! – отшутился Фима, но на душе сразу стало гадко и тревожно. «Эта Вера Андреевна может мне испортить всю обедню! Вот ведь влип: казнить нельзя помиловать, понимаешь!» – подумал Фима, открывая дверь.

– Наумыч, ревизоры выявили недостачу в магазине.

– Сколько?

– Тысяча рублей с копейками.

– Как такую сумму можно не заметить, ты мне скажи? Кто бухгалтер? – вскипел Бородин из-за безалаберности.

– Вильма Акулина.

– Опять Вильма? В прошлый раз ее мало проучили? Уволю!

– Нельзя ее увольнять... Слишком много знает... И потом, сын у нее инвалид, муж спился совсем...

– И что же? Из-за этого можно воровать? Пусть придет ко мне.

Через полчаса рыжая кудрявая бестия бросилась в ноги Бородину, по случайности либо по хитрому умыслу на мгновение неприлично оголив упругую грудь:

– Прости, Марк Наумыч, бес попутал!

– Ты и в прошлый раз прощения просила! Тебе прощение мое зачем? Совести ведь как не было, так и нет! Прикрываешься бедой, а срам весь наружу... Не плевать в колодец, из которого воду пить, тебя никто не учил? Пожалее опять, прощу, так ведь все равно рано или поздно в тюрьме окажешься... Кто тогда твоего сына...

Вильма залилась слезами, веснушчатая кожа на ее лице покраснела и вспухла, отчего Фима, наблюдавший сцену со стороны, брезгливо дернул плечом.

Бородин не выносил бабских истерик:

– Вот что: надо будет, Фима, по родственникам с ней поездить, деньги собрать, чтоб погасили срочно, нельзя до суда доводить. Нет, стой, я сам поеду!

– Как скажете, Марк Наумович!

Председатель Оршицкого райпотребсоюза, пропустив вперед Вильму, вышел из конторы, чтобы отправиться к ее родным дядям и тетям – убеждать собрать деньги для срочного погашения недостачи и недоведения дела до суда.

– Садись в машину, Акулина! Разве так дела делаются? Ты думаешь, я всегда буду прощать твои недостачи? Не сто рублей, тысяча... Женщина, ты плохо кончишь! – шеф не кричал, но от низкого и в то же время убийственного приглушенного его тона бросало в дрожь.

– Извините меня, я не знаю, как это... – всхлипнула красная подчиненная, а Бородин уже не слушал, отстраненно наблюдая за благоухающим бело-розовым садом, разведенным прямо у ворот потребительской конторы.

– Знаешь, Вильма, за ворованное всегда приходится отвечать дважды... Смотри, как яблони цветут в этом году! Будет знатный урожай!

С детства он любил цветущие сады, еще с тех пор, когда маленьким мальчиком довелось гостить у родственников на даче в Кунцево. И стоял там на горе двухэтажный деревянный особняк со всеми коммунальными удобствами. До революции это была дача банкира Адольфа Юнкера, а при советах там соорудили сельсовет. Особняк совсем не был похож на неказистую деревенскую избу, к которой так привык Марк. Величественная постройка изобиловала множеством открытых резных террас, на которых взрослые степенно пили чай, наслаждаясь ароматами цветущих плодовых деревьев. Как-то с мальчишками залез он в сад за яблоками. Марк испугался поначалу, что влетит от изловившего его сторожа, другим-то удалось убежать, однако старик отвел мальчишку на террасу, где смотрители сельсовета напоили его чаем с вареньем да угостили яблоками. На всю жизнь Марк запомнил тот стыд, который испытал за, казалось бы, невинное воровство яблок.

Сам Марк Наумович Бородин родился в бедной еврейской семье в белорусском местечке Славное через пять лет после Октябрьской революции. Родители его, простые труженики, без академических степеней и образования, слыли честными, добрыми и порядочными людьми. Шестерых детей, в том числе одного приемного, воспитывали в тяжелом труде. Марк с малолетства ездил с отцом на заготовку дров, косить сено, а сестры помогали матери в домашней работе. Как только началась война, девятнадцатилетний Марк, не дожидаясь грядущей оккупации Беларуси, моментально организовал отъезд родных на телеге с единственным узелком пожитков. Большой дружной семье пришлось покинуть дом с нажитым добром и скотиной, чтобы три месяца скитаться по лесам, прячась от фашистов и спасаясь от бомбежек. В конце концов семья Захара Бородина оказалась в эвакуации в Курганской области, а Марк с семью классами образования и полученной специальностью слесаря ушел на войну защищать Родину. За ним последовали приемный брат и сестра Зоя.

Марк служил в разведоте, на фронте вступил в ряды КПСС. Освобождал Украину, Румынию и Венгрию, дошел до Берлина, и когда худой и лопоухий парень с глубокими черными глазами возвратился домой, на его груди сияли три медали и орден «Красной Звезды». Оказалось, что во время войны дом в поселке Славное разбомбили, и вернувшейся из эвакуации семье пришлось на несколько месяцев поселиться в холодной землянке. Вскоре он стал председателем колхоза, поступил на заочное отделение Московского кооперативного техникума и женился на скромной девушке, которая в годы войны тоже бесстрашно сражалась с врагом. У Марка Наумовича и его жены Сони родились три дочери.

Талантливого руководителя, настоящего хозяина трудно было не заметить. Став председателем Толочинского райпотребсоюза Витебской области, Бородин быстро вывел некогда убыточное предприятие на ведущие рубежи. И тогда Марку Наумовичу предложили возглавить Оршицкий райпотребсоюз. Но ему ли бояться начинать все сначала?

Председатель Оршицкого райпотребсоюза объездил с водителем три семьи родственников кассира Акулиной, страстно убеждая их помочь Вильме избежать наказания и погасить выявленную недостачу. Кто сто рублей, кто двести – так и собралась половина необходимой суммы. Остальное Марк Наумович приказал доложить из своего личного «фонда» и отправился в заготовительную контору!

5

Заведующий овощным складом заготовительной конторы Ефим Ильич Рыжиков, услышав дребезжащий звонок телефонного аппарата, долго смотрел на него в раздумье: снимать трубку или нет. И все же настойчивость абонента взяла верх.

– Алло, Рыжиков у аппарата!

Услышав знакомый грубый женский голос, Фима вспотел.

– Да, Вера Андреевна, простите великодушно, позавчера я чертовски устал и заснул прямо в машине... Да не вру я... Ну зачем вы так? Помилуйте, голубушка...

Фима положил трубку, опустившись на стул. «Вот привязалась, как банный лист. И не похож я на мужчину ее мечты. Чего ей надобно? Отомстит она мне... как же», – бурчал себе под нос Фима, не заметив, как в кабинет зашел Бородин.

– Что, Фима, какие-то проблемы?

– Доброго здоровьица, Марк Наумыч, все хорошо.

– Огурцы привезли?

– Конечно!

– Веди! Показывай!

На овощном складе пахло свежестью – в небольших деревянных ящиках красовались крепкие весенние зеленые огурчики с пупырышками, появившиеся в заготовительной конторе на несколько недель раньше других регионов. В стране тотального дефицита система кооперации при умелом руководстве давала неплохие результаты.

– Сегодня же, Фима, отгружай и пускай в торговлю! Проконтролируй! Кто там тебе жизнь омрачает?

– Так я это, глупость по пьянке сморозил...

– Почему-то я не удивлен. Сам разберешься?

– Да-да, разберусь, не волнуйтесь!

– Смотри мне, глупость он сморозил! Меньше на баб заглядывайся при жене-красавице! Вот что: пока я по делам поезжу, ты тоже в командировку отправляйся, к празднику надо затариться, «фонд» пополнить, так сказать.

И правда, после обеда заслуженный работник советской торговли и общественного питания, обладатель двух почетных грамот Верховного Совета БССР Марк Наумович Бородин вместе со своим верным водителем отбыл в далекую поездку в Закарпатье. Путь предстоял неблизкий – руководителя, сумевшего за несколько лет из отстающего Оршицкого райпотребсоюза сделать передовое предприятие в системе кооперации СССР, пригласили на праздник кооператоров в Ужгород. Родись этот человек в другое время и в другой стране, заработал бы миллионы. А пока и ему было чему поучиться у коллег, живущих в приграничных западных районах Советского Союза.

За окном мелькали зеленые луга, серые деревенские постройки, их сменяли глубокие белорусские леса и озера.

– До чего красиво, Сашка! Глаз не оторвать! И почему в такой богатой стране люди живут, будто рук и ног у них нет?

– Почему же нет?

– В магазинах такое убожество, везде пустые полки, сплошные дефициты! Чего проще навести порядок в народном хозяйстве, ведь четверть века прошло, как война окончилась!

– Наумыч, это только у вас, если запланировали прирост полтора процента в год, он и получается. А другим ведь ничего не надо, только б на диване лежать!

– Ну, ты-то не лежишь на диване, всю жизнь, почитай, баранку крутишь!

– Мне скучно лежать на диване, хочется что-то доброе делать!

По мере продвижения на запад скромные деревянные белорусские хаты сменились традиционными украинскими с крышей, покрытой соломой, камышом или мелкой дранкой. Все чаще рядом с сооружениями привычного крестьянского двора теперь встречались церкви, сельские управы да корчмы. Марк Наумович то и дело просил водителя остановиться, чтобы сфотографировать причудливые четырехскатные крыши на стропилах, которые крепились на венцах сруба, или на продольных балках, положенных поперек стен.

– Ты смотри, Сашка, какая красотища! Давно мечтаю вот такую избу построить у нас да корчму в ней сделать! А вкусно-то как готовят! – восхищался Бородин, отобедав с водителем в придорожном кафе с высокой крутой крышей и искусно украшенной галереей – пристройкой вдоль стен.

– Да, удачно постройка вписалась в окружающую среду, и мельница рядом, и церковь! Ничего не скажешь! А вкусно, потому что не воруют, а готовят, как для себя!

Магазинчики вдоль приграничной трассы в Хусте, Заречье и Мукачево впечатлили настолько, что Марк Бородин тут же пообещал себе поднять оршицкие пункты общественного питания на небывалый доселе европейский уровень.

Проехав без малого 20 часов кряду, командированные остановились в гостинице в Ужгороде, чтобы утром стать участниками праздника кооператоров, основанного Международным кооперативным альянсом еще в апреле 1922 года, а заодно и перенять опыт Закарпатского облпотребсоюза на многочисленных предприятиях с мощным экономическим потенциалом.

Поближе познакомившись с закарпатскими коллегами, разумеется, Бородину захотелось посетить профильные магазины и рестораны, кондитерские цеха, производственные, перерабатывающие и заготовительные структуры, а вместе с ними заглянуть и на скотобойные пункты и рынки. Но главная задача была в том, чтобы лично и напрямую, в обход, так сказать, планового директивного хозяйства, договориться о первоочередных поставках в Оршицкий район овощной и мясной продукции Закарпатья и без свидетелей рассчитаться за поставленные ранние огурчики наличными.

6

– Аннушка, я дома! – с порога крикнул Фима. – Собери саквояж, меня в командировку отправляют!

– Куда, Фимочка, на этот раз? – вышла на крик Анна Ивановна.

– В Кишинев!

– О! Привези мне коньяк! И что-нибудь красивое... Да и к детям непременно заедь!

– Я как раз за коньяком туда и направляюсь, но к детям вряд ли успею.

– А ты постарайся!

– Хорошо, Аннушка, я попробую, – не стал спорить Фима по причине отсутствия времени и бесполезности дальнейших пререканий. Кроме того, внутри до недавнего времени верного мужа буйствовало чувство вины и проснувшейся совести, которую и самому хотелось загладить до неузнаваемости.

Несколько лет назад Марк Наумович для удовлетворения непомерных appetитов чиновников создал так называемый «благотворительный фонд Бородина» в пользу власть имущих. И теперь перед грядущими праздниками подчиненные для его пополнения командировались в соседние республики для покупки икры, осетрины и настоящей воблы, отборного коньяка и главного атрибута советского чиновника – ондатровых шапок. На этот раз по заданию шефа Ефиму Ильичу предстояло пополнить складские запасы французским коньяком.

В буйствующем всеми красками лета Кишиневе Фима неожиданно быстро затарился дефицитным коньяком, успел-таки добраться до Леовского района и повидаться с детьми, радостно повисшими на отце из-за длительного расставания. Привязавшаяся к детям няня, Нонна Марковна, угостила Фиму отличным белым виноградным вином и изысканной долмой в виноградных листьях.

Уплетая за обе щеки, Фима поймал себя на мысли: «Как же хорошо детям на свежем воздухе отдыхать, питаться овощами и фруктами, но все же надо бы домой их забрать, а то совсем отвыкнул от родителей». После чашки чая с вишневым вареньем Фима вернулся в Кишинев для важной встречи с давним знакомым – антикваром.

Седовласый хозяин антикварной лавки, что много лет существовала на углу тихой улочки в центре города, торговал живописью, фарфором, редкими книгами и мебелью.

– Фима, сколько лет, сколько зим!

– И не говорите, Владимир Карлович! Как здоровье, как жизнь?

Фима по-свойски юркнул за разноцветную занавеску, отделяющую антикварную лавку от приватного уголка хозяина.

– Твоими молитвами, крихчу по-стариковски...

– Чем порадуете, Владимир Карлович?

– Есть для тебя кое-что, оставил, как знал, что приедешь.

Старик подошел к обшарпанному комоду и, снимая с шеи шнурок с ключом, выдвинул верхний ящик. В банке из-под башкирского меда под солнечным светом блеснули золотые монеты.

– Ого! Настоящие?

– Обижаешь... Парижский монетный двор. Червонцы царской чеканки... 1867 год. Отличием от монет российской чеканки служила одна звездочка на гурте.

Присвистнув от удовольствия, Фима принялся разглядывать антикварное золото с вензелем императора. Двуглавый орел с коронами на невиданных прежде монетах смотрел на заведующего склада. Перевернув орла на решку, Рыжиков прочитал: «Золотник 39 долей чистага золота».

– И сколько здесь?

– Тридцать три червонца. Будешь пересчитывать?

– Ну зачем же, Владимир Карлович, как можно вам не верить? – машинально произнес Фима и так же машинально молниеносно пересчитывал червонцы.

Рассчитавшись с антикваром, Фима заботливо завернул банку из-под башкирского меда в грубую льняную ткань, сунул сверток в саквояж и поспешил к машине.

7

Марк Наумович, вернувшись в пятом часу утра из командировки в Закарпатье, в восемь уже был на работе. По обыкновению, если он слишком поздно возвращался из дальней поездки, приказывал личному водителю выспаться, а сам в контору шел пешком. Сегодня должен был приехать очень важный гость со свитой, и нельзя ни в коем случае ударить лицом в грязь. Передовое производство – Оршицкий райпотребсоюз планировал посетить Косыгин.

Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, вопреки расхожим мнениям, больше любил заниматься не политикой, а экономикой, хотя на вершину государственной власти его поднял самый настоящий политический «дворцовый переворот» в октябре 1964 года, когда от руководства был отстранен Никита Хрущев. Начав трудовую деятельность в потребительской кооперации, Косыгин считал необходимым реформировать всю советскую экономику, сделав ее более свободной для проявления всяческой инициативы. Для претворения задуманного в жизнь начал проводить довольно успешную реформу, которая получила название «косыгинской». Эта передовая реформа была рассчитана на значительное расширение самостоятельности предприятий, возможность материального стимулирования труда и децентрализацию планирования. Что бы впоследствии ни писали историки, восьмая пятилетка 1966–1970 годов оказалась самой успешной в советской истории, получив гордый эпитет «золотая». Именно Косыгину удалось наладить массовое производство товаров широкого потребления, тем самым впервые после победы над фашизмом сместив акцент с военной тематики производства.

Марк Бородин провел высоких гостей во главе с Алексеем Николаевичем по районному потребсоюзу, показывая складские помещения, производственные заготовительные и колбасные цеха, магазины и кафе. Косыгин был сдержан, иногда резок в высказываниях, но весьма прост, без словопрений, восхвалений и подхалимства. Простота была не наигранной, а являлась сутью его как человека. И дело не в том, что он питался в кафе вместе со всеми, а в поведении, обращении с окружающими.

Была еще одна черта – интеллигентность, которая отличала Косыгина от многих партийных деятелей. Без пресловутого хамства власть имущих. Такая же интеллигентность отличала и Марка Бородина. Глубокий взгляд больших черных глаз был спокоен, казалось, при любых обстоятельствах, даже при встрече самой высокой делегации. К тому же нос с горбинкой придавал некий аристократизм.

Разумеется, они понравились друг другу. Вечером в ресторане, закрытом на спецобслуживание, Косыгин отпустил партийную свиту, утомившую пустопорожней дискуссией на тему роста потребительской кооперации. Он был немногословен, эрудиция, основанная на колоссальном опыте, позволяла быстро ориентироваться в обсуждаемых вопросах. Единственное, чего ему не хватало, так это знаний о сельском хозяйстве. Да он этого и не скрывал.

– Ты, Марк Наумыч, здесь настоящий хозяин. Все-то у тебя налажено, коллектив сплоченный, прибыль стране отличная, и народ кормишь. Как это тебе удается?

Марк Бородин только хмыкнул в ответ, пожимая плечами. Близко посаженные глаза не радовались нечаянной похвале, напротив, источали невиданную, почти собачью тоску, как будто только ему было ведомо, в какой тупик идет набравший бешеную скорость поезд.

– Алексей Николаевич, можно я спрошу? Почему в нашей стране так стремительно развивается дефицит?

– Все непросто. Видишь ли, рост благосостояния граждан оказался выше роста производства потребительских товаров, что и вызывает дефицит. К тому же мои противники в советском руководстве считают реформы экономики едва ли не отходом от ленинских принципов.

– А как же тогда быть с программой КПСС перехода к коммунизму к 1980 году?

- Меня это не касается, я в этом деле не участвовал.
- Но цифры-то откуда взяли? Ведь это же должно было через вас проходить?
- Нет, со мной не советовались.
- По-вашему, есть другие цифры?
- Какая разница, мы все равно не выполняем то, что написано.
- Тогда откуда взялся 1980 год?

Косыгин, не любивший ни Хрущева, ни Брежнева, лишь молча указал пальцем на потолок и перевел тему:

– То, что я увидел сегодня, порадовало. Слышал много, теперь увидел. Твой райпотребсоюз стал передовым в стране, и я намерен представлять твою кандидатуру на звание Героя Социалистического Труда.

Марк Наумович был польщен. Не то чтобы он стремился к наградам, но то дело, за которое радел, отдавал лучшие годы жизни, рано или поздно должно было дать плоды.

8

Вера Андреевна долго решала, как отомстить зарвавшемуся работнику райпотребкооперации Фиме, который так грубо отверг ее притязания. И придумала. Занимая ответственную партийную должность, она имела определенный вес в прямом и переносном смысле слова. Вера Андреевна направилась в ОБХСС к знакомому старшему оперуполномоченному Вячеславу Горуну. Фронтовик, танкист, человек старой закалки не сможет равнодушно пройти мимо воровства в Оршицком райпотребсоюзе. А в том, что оно имеется, Вера Андреевна не сомневалась: не единожды присутствовала на загородных посиделках, в которых отборный коньяк лился рекой. На трудовые доходы так не погуляешь.

Когда-то Вера Андреевна работала учителем русского языка в элитной советской школе. С годами обрета не только громогласный тембр голоса, но и внушительные формы, она завоевала непререкаемый авторитет, и ее продвинули по партийной линии по совместительству на должность секретаря партийной школьной ячейки. Вера Андреевна уже мечтала выстроить дальнейшую карьеру и дослужиться до директорства, а может, и того лучше – перейти в РОНО, как все внезапно оборвалось. Некая свободолюбивая ученица седьмого класса в сочинении на тему «Мой нелюбимый предмет» написала, что, дескать, ее учительница, то бишь она, Вера Андреевна, избилла девочку линейкой по голове до крови, и отныне школьница не только боится учителя, но и ненавидит сей предмет. Разумеется, Вера Андреевна поставила за сочинение двойку и красным жирным фломастером на две страницы дневника оставила увесистую запись с требованием родителям срочно зайти в школу. Вскоре родительница возмутительницы спокойствия в школу пришла, и, не устраивая скандала, вывела Веру Андреевну на чистую воду, поскольку была главным редактором на телевидении. Несколько точных фраз о крайне перевозбужденном состоянии педагога, оставляющего свои замечания размашистым почерком ярким фломастером на две страницы, оказалось достаточно, чтобы убедить учителя русского языка отойти от прежних притязаний. В результате Вера Андреевна получила строгий выговор с занесением в личное дело, перевыборы с должности секретаря партийной ячейки и предложение на увольнение по собственному желанию.

Однако не зря в народе говорят, что беда не приходит одна. Уволившись с работы, Вера Андреевна в неурочный час пришла домой и застала мужа, профсоюзного лидера камвольного комбината, в постели с молоденькой особой, время от времени исполнявшей обязанности его секретаря. Простить измены безвольному мужчине вдвое меньше ее ростом Вера Андреевна не смогла, но договорилась с использованием небольшой доли шантажа, что о разводе не может быть и речи, однако пусть муж идет куда хочет и живет с кем хочет, но непременно устроит ее на работу в какой-нибудь райком партии. Так бывшая учительница сначала оказалась в окружении районных партийных начальников, а вскоре и вовсе добилась повышения и перевелась в область.

Открыв дверь в кабинет старшего оперуполномоченного Горуну, Вера Андреевна с порога громогласно обрушила ворох информации:

– Ты должен их проверить, там такие махинации, там такие деньжищи, ты себе не представляешь, Вячеслав Николаевич!

– Вы о чем это, Вера Андреевна?

– Как о чем? Об Оршицком райпотребсоюзе!

Вячеслав Горуну поперхнулся:

– Как об Оршицком райпотребсоюзе? Известно ли вам, что я уже пытался не раз проверить их работу, но все всегда сводится к тому, что нет там никаких нарушений! И потом,

знаете ли вы, что Бородин лично Косыгин представляет к награде – званию Героя Социалистического Труда!

– А когда это нас останавливало? Что, герой не может быть вором?

– Не может. Тогда это – не герой. Это я вам как фронтовик говорю. У меня нет никаких серьезных фактов, а интуицию к делу не пришьешь!

– Достану я тебе внушительные факты! Обещаю!

Вера Андреевна, удовлетворенная придуманным планом мести, уплыла восвояси, и ее нисколько не заботило, что отомстить она хотела только Фиме, а тут под раздачу могли попасть абсолютно все работники райпотребсоюза.

9

Свой коллектив в Оршицком райпотребсоюзе Бородин подбирал долго и тщательно, полагаясь не столько на личный опыт и интуицию, сколько на то, насколько можно доверять подчиненному. Сам он работал не покладая рук, этого же требовал от других. Где-то там, за забором райпотребкооперации, люди работали за одну зарплату независимо от того, сколько труда вкладывал тот или иной человек в дело. А Марк Наумович с детства верил в лозунг: «Кто не работает, тот не ест», хорошо понимая, что при равном распределении дохода нельзя добиться ни проявления инициативы, ни творческого подхода, ни сверхурочной прибыли.

Как настоящий хозяин своего дела, ранним утром за рабочим столом Бородин планировал рабочий день, плавно переходящий в ненормированный вечер.

Как только Вячеслав Горунов доложил руководству о результатах проверки Оршицкого райпотребсоюза, об этом сразу стало известно Егору Владимировичу Дунаенко, прокурору Витебской области.

– Марк Наумович, к вам Дунаенко! – внезапно нарушил тишину кабинета голос секретаря по селектору.

– Приси.

«Принесла нелегкая, – пронеслось в голове у Марка Наумовича. – И все же одно дело работать не покладая рук, а другое дело пробиться по партийной линии наверх и превратиться в пиявку, крепко присосавшуюся к крупной рыбе».

– Ну, здравствуй, Марк!

– Доброе утро, надеюсь, с хорошими вестями, Егор Владимирович?

– Как сказать... Тут очередная жалоба на тебя пришла. И мои рьяные бульдоги уже что-то накопили на твою кооперацию.

– Что на этот раз?

– Все как обычно. Людям глаза колет, если кто-то лучше них живет.

Прокурор области Егор Владимирович Дунаенко уже не раз клал на стол Бородину рапорты своих подчиненных, основанные на анонимках. В очередной раз Марк Наумович, пробежав глазами новый пасквиль, тяжело вздохнул:

– Тебе как обычно?

– Можешь еще что-нибудь добавить, у супруги день рождения на носу.

Марк Наумович достал талмуд из нижнего ящика стола, открыл его на середине и что-то пометил карандашом. Молча нажал клавишу на селекторе.

– Люсенька, скажите, Фима вернулся из Молдавии? Привез? Ну хорошо, тогда просите Бельковича ко мне!

Через несколько минут в кабинет постучался шарообразный Иосиф Моисеевич Белькович, заготовитель конторы.

– Звали, Марк Наумович?

– Да. Отпусти Егору Владимировичу из «фонда», все как обычно, да еще добавь пару бутылок коньяка.

– Будет сделано.

– Что-то еще? – усталыми глазами посмотрел Бородин на прокурора.

– Нет, нет, спасибо, дорогой, не волнуйся, все будет шито-крыто.

Белькович проводил прокурора на склад. Взяв журнал, выписал полный набор дефицита за счет «фонда». Егор Владимирович, прихватив полный саквояж, исчез. Очередной отказ в возбуждении уголовного дела стоил три кило свинины, три кило говядины несколько колец

деревенской колбаски, батон буженины, по четыре банки зеленого горошка и маринованных огурчиков, две банки черной икры и пять бутылок французского коньяка. Разумеется бесплатно, ибо на зарплату прокурора в 95 советских рублей особо не забалуешь.

Вернувшись из Молдавии, Фима, сдав привезенный товар на склад «фонда Бородина», наконец приступил к прямым обязанностям.

– Сколько с Украины огурцов прибыло? – зайдя на склад овощной продукции, поинтересовался Фима у Бориса Гринберга, заведующего овощным складом потребсоюза.

– Еще разгружают. Сорок ящиков пока, а там еще столько же, – не отвлекаясь от бумаг, буркнул в ответ заведующий складом.

Фима по-хозяйски подошел к огурцам, взял на пробу:

– Вкусный, не горчит. По рублю оформляй, 10 копеек на гниль спишешь.

– Не будут шуметь сдатчики?

– А куда им деваться, обратно же не поедут. Боря, ну что такое в наше время 10 копеек?

– По рублю так по рублю!

– Что еще?

– Редиска есть и капуста.

– Посмотрим... Будут стонать, на три дня задержишь. Скажешь, места нет в хранилище.

Фима вышел во двор конторы, где разгружались овощи, пожал сдатчикам руки и отправился восвояси.

Он спешил обрадовать Аннушку приобретенным невероятно дефицитным плащиком из итальянской болоньи. Жена много раз просила достать этот писк моды, поскольку дама, ставшая обладательницей такого плаща, считалась модницей, которая «умеет жить». Обычно привозили такие плащи контрабандой из Финляндии, но Фиме удалось за большие деньги купить модный товар в Молдавии у местного фарцовщика.

– Аннушка, я дома! – с порога крикнул Фима, доставая из саквояжа заветный сверток с болоньевым плащом. – Дорогая, смотри, что я тебе привез!

Аннушка на радостях тут же бросилась примерять обновку, битый час крутилась перед зеркалом, любуясь и восхищаясь... пока Фима рассказывал в подробностях про то, как он навещал детей в Молдавии. Аннушка настолько была увлечена собой, что будто и не слышала его рассказ. Советской женщине хотелось не только одеться, но и выделиться из общей серой массы с помощью яркой иностранной одежды.

– Надо бы сходить в исполком, узнать, что там с очередью на машину, – вдруг промолвила Аннушка, продолжая смотреться в зеркало. – В таком плаще надо ездить в машине! Ну правда, скажи, Фима! Завтра же пойду в салон в нем!

– Завтра дождя не будет, дорогая!

– А я думаю, ради такого случая, он обязательно пойдет!

И, правда, чего не сделаешь ради любимой женщины – на следующий день пошел дождь. Аннушка попросила, и он пошел. В черном болоньевом фирменном плаще она с гордым видом вплыла в салон красоты, но, когда снимала обновку у зеркала, ее взгляд остановился на... точно таком же плаще! Радость причастности к высшей касте улетучилась вмиг. Анна покрылась красными пятнами от волнения и возмущения, но подошла к нахальной сопернице с вопросом, откуда, мол, товар и как она посмела надеть точно такой же модный прикид.

– Да не волнуйтесь, не контрабанда, – парировала блондинка. – Мне из Грузии привезли, там цеховики организовали нелегальное производство, они закупают ткань и лейблы в Италии.

– Не может быть, мне только вчера муж привез из Молдавии, – не унималась Анна.

– Ну что делать, могу предложить сравнить лейблы и швы – в итальянских оригиналах обычно не видно потайных швов, все под подкладкой зашито.

Женщины сняли обновки и принялись пристально рассматривать изнанку болоньи, не обращая внимания на ожидающего клиентов мастера по женским прическам. И очень скоро Анна поняла, что и тот, и другой плащ шиты в одном подпольном цехе, и, может быть, где-то в Грузии.

– Обманули мужа, обманули, – чуть не плача причитала Анна, сидя в кресле парикмахера. – А все потому, что давно надо было достать такой плащ, а не тогда, когда эти халтурщики свое производство наладили! И теперь мне опять ходить серой мышью? Как все?

Основным недостатком директивного планирования, как известно, являлась замедленная реакция на изменение научно-технического прогресса и моды в нашей быстротекущей жизни. Пройдет еще немного времени, и советское правительство, мыслящее масштабными «миллионами», решит не отставать, а идти в ногу со временем, и наладит свое производство болоньевых плащей. И вскоре все магазины будут забиты такими обновками, но их уже мало кто будет покупать.

10

Ранним утром заготовители потребительской кооперации Ефим Андреевич Шлесинберг и Иосиф Моисеевич Белькович выехали в Гродненскую область на закупку и заготовку рогатого скота. Для этих целей им всегда выписывались под отчет крупные суммы. Несколько часов пути на тарахтящем грузовике – и заготовители очутились на деревенском базаре, на котором столпились сдатчики, их большеглазые коровы да упитанные бычки.

– Здорово, мужики! Как сегодня товар?

– Смотри, уважаемый, все как на подбор.

Шлесинберг подошел к давнему знакомому деревенскому старику Митричу и его коровам, а Белькович, заметив неподалеку несколько крепких бычков, двинулся дальше.

– Хороша Зорька, хороша. Что просишь?

– Пятсот рублей, не обижу, хороший товар.

– Да ты что, Митрич, з глузду з'ехаў? Ты где такое видел? Я что, похож на капиталиста? 100 рублей – красная цена!

– Ефим Андреевич, не дай помереть с голоду семье, какие сто рублей! Я ж сколько кормил свою Зорьку-то, смотри, какая упитанная.

– А ж ребра торчат, упитанная! 100 рублей – и дело с концом. А вот еще ту куплю – за две 200 отдам! Когда такие деньги видел, Митрич? Соглашайся!

Митрич еще несколько минут попыхтел, но согласился. И правда, семью кормить надо, другие и этого не дадут, а если и дадут, то через год. А тут можно прямо сегодня получить заветные деньжищи.

– Забирай Зорьку и Венеру! – прогундел Митрич.

– Скрестили арбуз с тараканами, на самом деле Венера? – усмехнулся Шлесинберг. – Вот тебе 200 рублей – и дело с концом!

Вдалеке базара торговался Белькович, наступая массой тела и громогласным баритоном на тщедушного мужичонку с бородкой:

– Слушай, это – не телятина, а старая говядина!

– Эй, мил человек, что ты говоришь, слушай, этот теленок только сегодня утром бегал за коровой.

– Так он не за молоком бегал! Наверное, за чем-то другим! – под общий гогот базара парировал Белькович, подходя к привязанной за веревку животине:

– Ну что, коровка, что ты мне сегодня дашь – молочка или говядинки?

Белькович заплатил за корову, погрузил в машину и направился дальше. Обладая полной свободой при закупке рогатого скота, он, как обычно, снижал вес и цену до неприличия, пока не нарвался на здорового крестьянина, готового постоять за себя и за свою упитанную корову:

– За 100 рублей иди кабанам хвосты крутить! 100 рублей он мне предлагает!

– Так твоя корова не стоит больше, уж я-то знаю!

Вскоре у мужиков аргументы закончились, в бой пустили кулаки, так что следующая покупка рогатого скота закончилась дракой.

Уже вечером в чайной всех продавцов и заготовителей примерила водка. У каждого нашелся повод отпраздновать и забыть нанесенные за день обиды. Теперь мужики, гремя стаканами, хвастались друг перед другом, сколько заработали за один базарный день. И на самом деле было уже не важно, кто и кого на этот раз обхитрил...

Иосиф Моисеевич Белькович вернулся из командировки довольным: ему удалось заработать приличные деньги. И теперь он, имея полную свободу сдать в контору мясо по фактическому весу, выписывал на неучтенный вес фиктивные квитанции. А если учесть, что конина

и субпродукты имели практически ту же цену, – как минимум 800 рублей чистой прибыли за два дня командировки Иосиф Моисеевич точно урвал!

Сидя в частном деревянном доме на завалинке, он писал на листках ученической тетради примитивные документы с огромным количеством грамматических ошибок. За неполные семь классов образования в средней школе Белькович не успел овладеть грамотой в полной мере. Однако, чтобы при проверке не подкопались ревизоры, понятное дело – надо бумажки оформлять по всем правилам, но на вымышленных лиц. Вряд ли в силу своей необразованности он читал когда-либо гоголевские «Мертвые души», но в смекалке накопления денег, не проходивших через бухгалтерию, ему было не отказать.

Обслюнявив синий химический карандаш, Белькович старательно выводил последнюю подпись на состряпанном документе, как за спиной показалась голова супруги.

– Я смотрю, денег прибавилось в семье! Йеся, купи мне шубу! Я давеча в универмаге видела, что новые завезли!

– Ну скажи мне, Марго, на кой тебе четыре шубы? – не отрываясь от ученической тетрадки, пропыхтел Белькович.

– Так я в комиссионку норковую отнесу...

– И ты хочешь сказать, что все в районе будут знать, что у тебя четыре шубы? Ты смерти моей хочешь? Или чтоб я на нарах ошивался? – от нервного напряжения огромный пивной живот Бельковича стал перекатываться то влево, то вправо.

– Ну тогда давай на море съездим! Так давно не были! – не унималась Марго.

– А три месяца назад кто вернулся из Пицунды? Отстань, не гневи Бога, у нас скоро очередь на машину подойдет.

– Ты бы уже давно купил машину, чуть переплатив без очереди!

– Чтобы навлечь ревизоров на проверку? Откуда, черт возьми, у Бельковича такие доходы? Спасибо, матушка, уважила! Иди лучше не стол накрывай, есть хочу!

Марго скривила лицо в недовольной гримасе, но делать нечего, надо подчиниться главному кормильцу. Обладательница пышных форм отправилась на летнюю кухню греметь тарелками, ибо только так и можно было выказать недовольство решением мужа отказать в покупке новой шубы.

Иосиф Моисеевич тем временем закончил мусолить документ, достал из кармана аккуратно свернутые в трубочку купюры и, сложив деньги в стеклянную литровую банку, спрятал в деревянном туалете под крышу.

– Водки налей! – прогундел Белькович, глядя на поставленную перед ним тарелку ароматных свежих щей. Марго, по-прежнему дуясь и играя в молчанку, беспрекословно налила 70-граммовую рюмку и стукнула ею по столу, словно сваю вбила.

– Полегче на поворотах, ишь надулась, шубу ей подавай! – прокричал было заготовитель, но тут же поперхнулся ложкой горячего супа, увидев перед собой на веранде соседа Виктора Абрамовича Манько. «Вот нюх у человека, как только где сто грамм наливают, он тут как тут!»

– Здорово живешь, Йеся, извини, я на минутку!

– Присаживайся, соседусшка, – поменяла гнев на милость Марго, доставая тарелку из шифоньера для нежданного гостя. – Щи свеженькие, попробуй!

– Благодарствую, Маргарита Павловна, не откажусь, коли так!

– Рюмочку?

– Что ты спрашиваешь, Марго, когда Виктор Абрамович от рюмочки отказывался?

– Спасибо, соседусшка, вот жена у тебя, Иосиф Моисеевич, загляденье! Понятливая! Заботливая!

– Будь здоров и не кашляй! Да не заглядывайся! – буркнул Белькович, недовольно чокаясь с соседом.

Уже через полчаса два соседа, сидя на завалинке после сытного обеда и выпитой пол-литры, рассуждали на тему: «Ты меня уважаешь?». Горячительная влага согрела не только трубы, но и душу, поэтому обычно грозный Белькович раздобрел, обмяк и растаял при одной только мысли, что какую-нибудь бумажечку можно оформить и на соседа. Не зря же он ему водку наливал!

– Абрамыч, на, подпишись за моего кабана!

– Давай, – охотно согласился сосед. – А где?

– Вот тут!

Сосед подписал акт на фиктивную сдачу кабана от своего имени, и теперь Белькович с легкостью мог отчитаться, что он получил за выращенную скотину 274 рубля и 25 копеек.

11

Вера Андреевна шла по дороге, переступая через не высохшие после дождя грязные лужи. Она направлялась к оперуполномоченному Горуну, чтобы узнать новости о судьбе своей анонимки про деятельность Оршицкого райпотребсоюза. Судя по всему, какое-то движение анонимка уже должна была получить, и женщина, мечтающая наказать нерадивого мужичка, отказавшего ей, пребывала в приподнятом настроении от предвкушения услышать подробности об осуществленной мести. Вдруг вдалеке у магазина она заметила две до боли знакомые фигуры – бывший муж с новой пассией направлялся в сторону автомобиля с покупками.

У Веры Андреевны защемило в груди от обиды – не столько от того, что ее какое-то время назад оставил муж, а скорее потому, как он заметно преобразился рядом с молодой женщиной. Он и сам помолодел, постройнел, оттого казался выше ростом и – о Боже – стал элегантным и обходительным с дамой, чего в прежней жизни за ним не водилось. Когда это он открывал двери автомобиля перед ней? В их жизни и автомобиля-то никогда не было, так, считанные поездки в такси. «Что он в ней такого нашел, чего нет во мне, образованной и уверенной в себе? Ничего, ничего... погуляешь и вернешься, кобелина...» – думалось Вере Андреевне, на мгновение остановившейся на перекрестке. Хорошее настроение от предвкушения мести заведующему овощным складом заготовительной конторы растворилось как дым, и теперь уже грузная дама в скромном серо-черном одеянии, не глядя по сторонам, зашаркала на стоптанных каблуках в сторону районного отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.